
Р. И. ЯКУПОВ

ТОЛЕРАНТНЫЙ РОССИЙСКИЙ ИСЛАМ

В своем развитии ислам и христианство тесно взаимосвязаны во времени и пространстве. Канонические нормы мусульманства и христианства также имеют общую первооснову. Вместе с тем две религии в период становления и распространения сыграли роль важнейшего фактора этногенеза многих существующих сегодня народов. Можно утверждать, что со времени своего появления ислам и христианство существенно изменили этническую картину на значительной части Евразии. Затем, в эпоху средневековья, под влиянием ислама и особенно христианства постепенно изменялась этнокультурная ситуация в Америке, Африке, Австралии. Еще на рубеже позднего средневековья и Нового времени ислам и христианство продолжали играть этногенерирующую роль. В это время, например, в России, под влиянием православия и ислама, появились новые этносы – кряшены, нагайбаки, бессермяне, изменились этнокультурные характеристики русских (староверы), мордвы, части чувашей, удмуртов и др.

Ислам и христианство повлияли и на потестарную историю народов Евразии, став, с одной стороны, основой идеологии вновь возникавших государств и, с другой, определяя особенности их социальной организации и структуры. В этой связи важно отметить, что именно ислам и христианство использовались в качестве государственной идеологии в геополитическом противостоянии государств Европы и Азии. В этом заметно одно из отличий христианства и ислама от других мировых религий. Не случайно политологи Запада видят главные противоречия будущего в противостоянии мусульманского и христианского миров. Основные тезисы этого прогноза заключаются в том, что с падением социалистической системы противоречия социальных идей в мире уступают место культурно-цивилизационным, в числе которых историко-религиозные будут играть важнейшую роль.

Подтверждение этому аналитики ищут (и находят) в росте экстремистских тенденций и религиозного фанатизма и фундаментализма, якобы особенно характерных для исламских государств и организаций. В этой трактовке ислам предстает в виде крайне консервативной и архаичной традиции и идеологии, тормоза общественного прогресса.

Подобный взгляд сам по себе представляется нам дискуссионным. Но его обсуждение – задача специальной работы. В рамках настоящей статьи мы обратим внимание только на некоторые особенности религиозной ситуации в России с учетом исторической ее ретроспективы.

Ислам – вторая крупная конфессия России. Любопытно, что в числе этносов, генезис и история которых теснейшим образом связаны с исламом, татары занимают также вторую по численности позицию в государстве. С этнополитологической точки зрения внутреннее развитие России с XVI в. определялось характером взаимоотношений русского и татарского этносов. Их идентичность в прошлом и теперь поддерживается не только на уровне языковых, историко-культурных традиций, но во многом – на конфессиональном. Религиозный (исламский) фактор стал стержнем

сохранения татарской этнической культуры и, несмотря на внутреннюю неоднородность, всего этноса.

В историографии принято выделять три основных этапа распространения ислама в пределах территории, которую теперь занимает Россия. На первом, в X–XII вв., мусульманство становится официальной религией в Волжской Булгарии.

Волжская Булгария – в историческом масштабе времени ровесница Киевской Руси. В истории этих государств удивительно много общего. В Волжской Булгарии, также как и Киевской Руси, возник этнополитический союз пришлых (в первом случае – тюрков, во втором – славян) и местных финно-угорских племен. Почти одновременно с Киевской Русью этот союз становится политической силой – государством на карте средневековой Евразии. Фактически в одно и то же время в Киевской Руси и Волжской Булгарии возникает потребность упрочения внутrigосударственных связей, объединения разноязычных племен,

централизации власти. Видимо, с этой целью в одном и том же X столетии болгарский нобилитет распространяет в государстве ислам (922 г.), русский – христианство (988). Руси нужен сильный цивилизованный сосед – Византия, Булгарии – арабский мир.

В то время, когда в Европе, на Ближнем Востоке и в Северной Африке разворачивалась борьба христианского и мусульманского миров, в которой главным идеологическим императивом стала “священная война с неверными”, взаимоотношения между исламской Волжской Булгарией и Русью были хотя и сложными, но в целом позитивными. Исторические источники не рассказывают нам об идеологическом и политическом противостоянии двух государств, напротив, в них есть свидетельства о растущей взаимовыгодной торговле, даже взаимопомощи. В первых военных столкновениях с монгольскими отрядами в конце первой четверти XIII в. участвовали объединенные дружины русских князей, болгар, половцев (кипчаков). Булгары были покорены монгольским войском в 1236, русские княжества – в следующем, 1237 году. С приходом монголов в результате образования Золотой Орды произошло первое объединение Волжской Булгарии и Руси в единую политическую систему. Золотая Орда способствовала их интеграции.

Второй этап распространения ислама связан с обращением в мусульманство хана Золотой Орды – Берке (1255–1266). В это время мусульманская религия еще не стала официальной во всех улусах Золотой Орды, но только подтвердила свою силу и влияние в восточных регионах будущей России. Кроме того, на этом этапе сложились условия для укрепления исламских позиций в Среднем Поволжье среди населения бывшего Волжско-Булгарского союза.

На третьем этапе, в правление хана Узбека (1325), ислам окончательно утверждается в пределах Золотой Орды и широко распространяется в среде тюркских и финно-угорских народов.

Необходимо выделить еще один этап – с середины XV до середины XVI столетий, когда ислам становится идеологией объединения Казанского, Сибирского, Астраханского, Крымского ханств и противодействия Московскому государству. На этой волне под влиянием мусульманской религии происходят активные ассимиляционные процессы и инкорпорация финно-угорских и

других на-родов Поволжья, Урала и Сибири в тюркскую этнокультурную среду. Именно в это время конфессиональный фактор становится и фактором противостояния русского и нерусских народов будущей Российской империи. Традиции веротерпимости, сохранявшиеся в X–XII вв. и особенно в эпоху Золотой Орды, постепенно утрачиваются. С присоединением Среднего и Нижнего Поволжья, Южного Урала, Сибири к Московскому государству начинается борьба конфессий – христианской, имеющей на своей стороне государственную и военную силу, и оппозиционной – исламской. Но очень важно, что несколько попыток решить вопрос политического подчинения народов России в опоре на религию и посредством насильственной христианизации успеха не имели. Более того, в результате провала этой политики усилились не только позиции ислама, но и сотрудничество конфессий.

Еще одна особенность религиозной истории России должна быть отмечена. Обе конфессии – христианская и мусульманская – в России нашли собственные пути развития. Христианство (православие) шло по пути консервации древних ортодоксальных (византийских) традиций и противопоставляло себя католицизму. Попытки объединения (уний) с католическим миром не нашли широкой поддержки в России.

Ислам, напротив, развивался в реформаторском направлении. На первой стадии этого процесса (X–XVI вв.) религия приспособлялась к местным географическим и поликультурным условиям. На следующей стадии (XVI–XIX вв.) ислам стал одной из крупных конфессий государства, где главенствовала и была официальной другая – христианская вера. До середины XIX в. главными центрами суннитской идеологии для мусульман России были Бухара и Хорезм. Отсюда в Среднее Поволжье поступали все учебники и наставления по преподаванию. Здесь находились главные мусульманские “академии”. В Бухару и Хорезм направлялись жаждущие более глубоких знаний татары, башкиры, представители других мусульманских народов. Обучаясь в духе исламского фундаментализма, они возвращались на родину и, встав во главе мечетей, мектебов и медресе, продолжали распространять религиозно-схоластические взгляды. Мусульманская схоластика не

допускала проявления свободомыслия не только в самой религии, но и в общественной жизни. В условиях России догматические нормы ислама и шариата в XIX в. все более приходили в противоречие с реальной жизнью.

Первыми религиозными деятелями, взорвавшими спокойствие исламского фундаментализма, стали Абу-Наср-Аль-Курсави (1783–1814 гг.) и Шигабутдин Марджани (1818–1884 гг.) – критики религиозной схоластики, авторы серии трудов по теологии, истории, философии, ряда литературных произведений. Аль-Курсави и Марджани одними из первых осознали и отстаивали необходимость широкого (религиозно-светского) образования для народных масс. Идеи Аль-Курсави и особенно Марджани нашли многих последователей в богословских кругах Поволжья и Южного Урала, особенно среди шакирдов своих медресе. Знамя первых реформаторов подхватили джадиды. Движение джадидов сформировалось во второй половине XIX в. и объединило многих образованнейших представителей нации под общими лозунгами реформации религии, образования и, наконец, общественной жизни.

На начальном этапе развития реформаторского движения мусульманская, прежде всего, татарская интеллигенция стремится к скорейшему развитию интеллектуального базиса народа и подъему его до европейского уровня. Публикуются переводы с арабских, турецких и европейских религиозных и светских произведений, наряду с серьезной литературой печатаются героические сказки, легенды, эссе и даже анекдоты. Например, татарский просветитель Каюм Насыри (1825–1902) разработал азбуку и грамматику татарского языка, татарский, татарско-русский и русско-татарский словари, учебники по арифметике, геометрии, географии, истории, этике. Напомним, что в тогдашних ученых кругах и учебных заведениях татарский язык был в совершенном пренебрежении.

Во второй половине и особенно в последней четверти XIX в. движение джадидов окрепло настолько, что им удалось провести реформацию в образовании. Наряду со старыми центрами высшего образования, старометодными (схоластическими) медресе в Казани, Уфе, Оренбурге, Кашгаре, Мержене, Курсе, Сатыше и др. были открыты десятки других, где процесс образования строился по “новому методу” (усулуджадиде).

Отцом нового метода считается выдающийся деятель образования и культуры татар Исмаил-бей Гаспринский, автор первого новометодного учебника – азбуки (“Худжансы дьян”), издававший в Бахчисарае общетатарскую газету “Терджиман” (переводчик). “Терджиман” сыграла выдающуюся роль в деле создания татарского литературного языка, просвещения широких слоев общества, подъема национального самосознания и воспитания интеллигенции в духе светских идей. И хотя И. Гаспринскому не удалось осуществить свою заветную мечту – объединение всех тюрко-мусульман России путем внедрения общего тюркского (на турецкой основе) литературного языка, созданного, кстати, самим И. Гаспринским, – “Терджиман” тем не менее сделала свое дело. Благодаря этой газете мусульмане и в особенности волжские и уральские татары имели возможность постоянного обмена информацией. Под влиянием “Терджимана” всюду распространялись революционные и реформаторские идеи, воспитывались новые кадры национальной интеллигенции. “Терджиман” не только пропагандировала идеи нового широкого образования, но и вела практическую работу, печатая труды новаторов-педагогов, методики, разработки для учителей. Так или иначе, ислам в России к началу XX в. хотя и находился в тесной взаимосвязи с мировыми мусульманскими центрами, но развивался по собственному пути. Одним из важнейших факторов этого процесса была этнокультурная ситуация – постоянное взаимодействие народов и конфессий России. Неслучайно пантюркизм и панисламизм не нашли здесь широкого распространения.

У мусульман и христиан России в результате многовекового сосуществования в рамках общей историко-культурной ниши, а впоследствии и государственной системы сложился богатый опыт сотрудничества. Оно особенно усилилось после пугачевского бунта, в котором против государства совместно выступили христиане (русские крестьяне, казаки, староверы, крещенные “инородцы”), мусульмане (татары, башкиры, калмыки, казахи) и язычники.

Представители мусульман участвовали в работе екатерининской Уложенной Комиссии, мусульманские (башкирские, калмыцкие, мещеряцкие, тептярские) полки участвовали в обороне России и

заграничных походах русской армии в 1812–1814 гг. В середине второй половине XIX в. мусульмане участвовали в организации “инородческого” просвещения и работе русско-национальных школ и классов. Мусульмане-ислахисты в годы первой революции (1905–1907 гг.) активно участвовали в социальных движениях, а впоследствии вошли в социалистические организации. До 1917 г. мусульманская фракция активно участвовала в работе Государственной думы. Таковы лишь некоторые важные вехи участия мусульман в разных сферах общественной жизни и государственных делах России и взаимодействия их с другими конфессиями.

Исходной же позицией в межконфессиональных отношениях к началу XX столетия были толерантность и веротерпимость. Социальные коллизии первой четверти века еще более усилили их. В результате социалистической революции религии в России одинаково оказались вне государства (фактически вне закона) и вне общества. В таком положении их застаёт реформация государства и общества середины 1980-х гг.

Но полного забвения религии, несмотря на идеологию “воинствующего” и “умеренного” атеизма 1920–1980 гг., все же не произошло. Мусульманские традиции стали частью этнической культуры татар, башкир, чеченцев, многих других народов. Термин “бытовой ислам”, принятый для обозначения явлений сохранения исламских традиций в повседневной жизни, лишь частично отражает действительную глубину проникновения религиозных норм в сознание, быт, семейную и общественную жизнь мусульманских народов.

Необходимо еще отметить, что ислам в России никогда не развивался в классических организационных формах. Он не был официальной – государственной – религией. Нормы мусульманского права (шариат) не были единственными для представителей этой конфессии и сочетались с государственными общероссийскими законами. В этом смысле ислам должен был приспособливаться к существующим потестарным условиям. Но жизнь внутри общин, система семейных и общественных отношений все же строились по мусульманским нормам,

воспринимавшимся, скорее, как “нормы обычного права”. Возможно, поэтому они в сознании народа отождествлялись с древними этническими традициями. В советский период многие из мусульманских в прошлом традиций и ритуалов развивались как национальные. Наши этнографические наблюдения в Волго-Уральском регионе в начале 1990-х гг. показывают, например, что сугубо религиозные праздники (ураза-байрам, курбан-байрам) осознаются как народные. То же можно сказать и о семейных ритуалах и обрядах (рождение ребенка, свадьба, похороны). В то же время многие древнейшие, типично народные праздники (связанные с хозяйственной деятельностью, сезонные и прочие) зачастую забыты.

Религиозная ситуация начинает изменяться с конца 1980-х гг. После развенчания существовавшей идеологии и ослабления механизмов моральной цензуры большие массы людей обратились к религии. Любопытно, что на первых порах это были в основном представители старшего поколения и молодежи. Возрождение религии в истекшие 5–7 лет последнего десятилетия XX в. происходит большими темпами. Внешние признаки этого процесса налицо. Строятся мечети, возникают новые общины-приходы, возрождаются традиции массовых религиозных празднеств, издается учебная и историческая религиозная литература. Число лиц, посещающих храмы, все увеличивается.

Но каковы внутренние – сущностные – характеристики этого процесса? Насколько религиозное мусульманское мировоззрение проникает в общество? Заменяет ли религиозная философия позитивистско-атеистическую? Важность понимания этих и многих других вопросов очевидна. Наши наблюдения показывают, что возрождение религиозного сознания не произошло даже в приблизительно полном объеме. Сегодня по-настоящему последовательные приверженцы ислама составляют лишь незначительную часть прежде мусульманских народов. Большая масса людей, посещающих мечети, справляющих религиозные праздники, не только не подчиняет свою жизнь религиозным правилам и нормам, но зачастую не знает их в достаточном объеме. Служители культа в целях религиозной агитации сознательно упрощают многие сложные в исполнении ритуалы и нормы ислама.

Например, признается допустимым соблюдение поста (ураза) в течение всего трех дней, совершение однократной ежедневной молитвы (намаза). Думается, весьма незначительная часть считающих себя верующими мусульманами исполняет предписанный им долг: пятикратный намаз, пост – ураза, пожертвования в пользу бедных – зекят, паломничество – хадж. Первое предписание религии – шахадат (признание Аллаха и его пророка Мухаммата) остается едва ли не единственным выполняемым и свидетельствующим о приверженности исламу. Впрочем, исполнение и этой, главной обязанности требует глубокой нравственной трансформации личности, что не всегда происходит с современными верующими.

Противоречиво развиваются отношения между религиозными мусульманскими центрами России. В дореволюционной России колыбелью ислама была Казань, а с последней четверти XVIII в. его формальным и фактическим центром стала Уфа. В настоящем наблюдается раскол мусульманской общины Башкортостана по национальному признаку, во всяком случае на уровне ее организационных структур. Признаки организационного раскола наблюдаются и в масштабах России. Так, в 1998 г. нам довелось слышать из уст религиозных иерархов Ульяновска и Казани, что они “не подчиняются Уфе”. Эти центры ориентируются на московскую религиозную власть, которая формально является одним из многих крупных приходов, а фактически в ней представлена малочисленная мусульманская диаспора. Вместе с тем, мусульманская община и ее руководители в Москве ближе к российской государственной власти, что имеет важное значение для решения многих, в том числе материальных вопросов. Мы не можем давать моральной оценки этим процессам, но с исследовательской точки зрения важно отметить истоки существующих противоречий и возможные перспективы их развития.

Перестройка структуры мусульманской общины связана с процессом суверенизации субъектов РФ – прежде всего, национальных республик. Если Башкортостан – самостоятельный субъект федерации, в котором реализуется право башкирского народа на самостоятельность, – функции Уфимского муфтия (Талгата Таджутдина) как главы всех мусульман оказываются под

сомнением. Сомневаются, прежде всего, руководители других мусульманских центров, в деятельности которых имеет место “суверенизация” и сепаратизм. Стремление Уфимского муфтия не делить мусульман по национальному признаку наталкивается на противодействие не только в религиозных организациях, но и государственных органах. Таким образом, авторитет Уфы как центра всех российских мусульман постепенно падает. Нового же центра еще нет. Можно допустить, что в результате сепаратистских тенденций внутри российской мусульманской общины функции Уфимского духовного управления со временем государственным решением действительно будут переданы Московскому муфтиату. С точки зрения истории ислама в России ничего нового в этом акте не будет, поскольку решение об образовании Духовного управления мусульман в Оренбурге, а затем в Уфе принималось в XVIII веке также государством. Очевидно, подобное решение не будет достаточно целесообразным. Во-первых, сегодня государство не имеет юридического права вмешиваться в дела конфессий. Во-вторых, Уфа является действительным историческим, да и географическим центром мусульманского населения России. В-третьих, связи Уфимского духовного управления мусульман России с регионами России и ближнего и дальнего зарубежья и особенно мировыми исламскими центрами складывались веками. Нарушение этих связей может вызвать неоднозначную реакцию верующих и сочувствующих не только в России.

Сегодня возрождение мусульманской религии (и христианской) в результате этнополитических и этнокультурных сдвигов второй четверти – конца XX столетия начинается с просвещения основной массы адептов. Этот процесс длительный, осложненный к тому же условиями индустриального общества. Поэтому, вероятно, возрождения (если следовать точному значению термина) не произойдет, а позиции ислама будут восстановлены в модифицированной, приспособленной к современным политическим, экономическим и социальным условиям форме.

Характер взаимоотношений мусульманских центров России и всей конфессии с христианской зависит, прежде всего, от позиции

государства. Религиозные иерархи ислама и христианства стремятся поддерживать отношения сотрудничества, но самостоятельности в этих отношениях, а также в отношениях с государством (на региональном и центральном уровнях) не наблюдается.

В настоящее время сохраняется сложившаяся веками конфессиональная картина. Не заметно никаких попыток миссионерской (мусульманской и христианской) деятельности за пределами существующих конфессиональных границ. Таковое положение будет, видимо, существовать и в ближайшем будущем, поскольку, как отмечалось выше, у ислама и христианства еще достаточно широкое поле деятельности внутри конфессий.

Литература

- Брук, С. И.** 1981. *Население мира: Этнографический справочник*. М.
- Газиз, Г.** 1997. *История татар*. М.
- Гумилев, Л. Г.** 1995. *От Руси к России*. М.
- Валидов, Дж.** 1986. *Очерки истории, образованности и литературы татар*. Oxford.
- Валеев, Р. М.** 1995. *Волжская Булгария: торговля и денежно-весовые системы IX – начала XIII вв.* Казань.
1991. *Ислам. Историографические очерки*. М.
1992. *История Марийского края в материалах и документах*. Йошкар-Ола.
1937. *История Татарии в материалах и документах*. Казань.
1997. *Край нагайбакский*. Челябинск.
- Кузеев, Р. Г.** 1992. *Народы Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю*. М.
1996. *Культура народов России*. Т. 2. Новосибирск.
- Ланда, Р. Г.** 1995. *Ислам в истории России*. М.
- Сперанский, А.** 1914. *Казанские татары*. СПб.
- Султангалиев, М. С.** 1984. *Статьи*. Оксфорд.
- Тэнасе, А.** 1975. *Культура и религия*. М.
- Rorlich, A. A.** 1986. *The Uolga Tatars. A profile on national Resiliense*. Stanford, California.